

О. Хаксли и Дж. Оруэлл как основоположники принципов классической антиутопии в англоязычной литературе

Орлова Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент;
Берёза Артур Олегович, студент магистратуры
Московская международная академия

Антиутопические произведения первой половины XX века стали своеобразной реакцией на тоталитарные режимы, которые активно формировались в то время, в частности в Советском Союзе и Германии. Писатели-антиутописты пытались раскрыть механизмы деятельности общественно-политической системы. Учитывая историю развития антиутопии, которая формировалась в усло-

виях различных государственно-политических систем, исследовательница А. Л. Дашко рассматривает два типа антиутопии: антисоциалистическую, которая касается произведений Дж. Оруэлла, О. Хаксли, А. Кестлера и др., и антифашистскую, направленную прежде всего против гитлеровской Германии. Своим возникновением они обязаны, соответственно, социализму и фашизму — социаль-

но-политическим формациям, запланированным в качестве идеала, но вместо этого направленным на жестокость и насилие [11].

Особого расцвета жанр антиутопии претерпел после Первой мировой войны. На волне послевоенных революционных преобразований многими странами была предпринята попытка воплотить в реальность утопические идеалы, прежде всего это касается большевистской России. Неудивительно, что глобальный роман-антиутопия Евгения Замятина «Мы» появился именно здесь. Он был опубликован на английском языке в Нью-Йорке в 1924 году и структурировал каноны нового жанра, впоследствии приобрел небывалое распространение. Антиутопия русского писателя определенным образом может быть растолкована как протожанр, который О. Романенко предлагает определить как «первое известное произведение, которое впоследствии воплощается в жанровом образце, в котором традиционная жанровая модель разбивается, дополняется новыми мотивами, образами и художественными средствами и др., появляются новые семантические доминанты и художественные идеи» [1].

Перевод на английский язык романа, который цензурой было запрещено публиковать в СССР, оказал свое первоочередное влияние на Западный мир. Е. Замятин изобразил тоталитарное общество со всеми его проявлениями и внедрил целый ряд основополагающих деталей такого общества, а именно тотальный контроль над личностью и обществом в целом, запрет выявления эмоций, синтетическое питание, установление жучков для подслушивания частных разговоров, навязывание ложных мыслей с помощью пропаганды средств массовой информации и тому подобное. Публикация романа «Мы» в Советском Союзе состоялась лишь в 1988 году в журнале «Знамя». К. Собянин уверен, что роман до сих пор не утратил своей актуальности и может восприниматься читателями XXI века как роман-предостережение от технократии, автоматизации жизни и гипертрофированной власти, ведь различные вариации тоталитаризма мы можем и сейчас наблюдать на разных континентах [3].

В условиях переосмысления утопической традиции возникает классическая структура жанра антиутопии, которая охватывает романы триады великих писателей-антиутопистов — Е. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла [6]. Опираясь на структуру произведения «Мы», О. Хаксли и Дж. Оруэлл создали всемирно известные антисоциалистические романы-антиутопии «Brave New World» («Прекрасный новый мир», 1932 г.) и «Nineteen Eighty-Four» («1984», 1948 г.). Именно эти два романа можно смело называть традиционным наследованием структуры антиутопического произведения, системы образов персонажей, языковых средств описания мира будущего, сформированных русским писателем. Самые известные антиутопии возникли в самые трагические периоды XX века, среди которых гражданская война в России, становление национал-социализма в Германии, создание концлагерей как превентивное средство против свободомыслия и т. д. [1].

Роман Дж. Оруэлла «1984» считается одним из самых известных произведений в жанре антиутопии, который предупреждает об угрозе тоталитаризма — формы политического правления, которая имеет целью подавление прав и свобод человека, установление единоличной жестокой диктатуры, внедрение унитарной идеологии и тому подобное. Большинство черт тоталитарного режима, обрисованного автором, было заимствовано из его прообразов — Советского Союза в период сталинской диктатуры и гитлеровской Германии. Дж. Оруэлл создает в романе закрытое общество, в котором связь с внешним миром строго контролируется государством, а информация о внутреннем мире скрывается и фальсифицируется, что позволяет писателю разоблачить его тоталитарные черты, изолировать такое общество во времени и пространстве. Изоляция происходит путем фальсификации истории, прерывания культурных традиций, информационного отгораживания общества от внешнего мира и тому подобное. В романе Дж. Оруэлл осмысливает тоталитаризм как «общемировое, глобализационно опасное, катастрофическое для будущего явление» [12, с. 831]. Считается, что «благодаря многим аллюзиям, которые легко прочитываются в романе» и одной из которых является «лицо Старшего Брата, что смотрит из тысяч плакатов, транспарантов и экранов», этот роман является «таким себе тяжеленным камнем в красный огород советского коммунизма» [8, с. 258].

По утверждению С. Кобути, роман «1984» сначала воспринимался как аллегорическое осуждение существующих тоталитарных режимов, и, как мы считаем, это на самом деле было задумкой автора. Однако, с другой точки зрения, высказанной автором, роман позиционируется как своеобразное предупреждение человечеству, склонному повторять свои ошибки, поэтому роман уже более полувека не теряет актуальности [5].

Структура романа Е. Замятина «Мы» почти полностью воспроизведена на лексическом, стилистическом и структурном уровнях в антиутопии «Прекрасный новый мир» О. Хаксли. Писатель пользуется идеей своего предшественника для создания довольно пессимистичного мира будущего, в котором все доведено до абсурда: человеческие эмбрионы созревают в пробирках, проходят через многочисленное количество отделов, ответственных за их созревание, их генетически программируют на определенные ощущения и эмоции с помощью наркотика сомы, который служит средством «отчуждения, дегуманизации и легкого затуманивания сознания» [9, с. 138], сексуальные отношения поддаются контролю, а понятие «личность» полностью нивелируется. Образ будущего в романе О. Хаксли «изображается как фантазмагорическая гипербола» [4, с. 152], ведь писатель воспроизводит на страницах романа самые опасные общественные тенденции.

По мнению Д. А. Половцева, антиутопии Е. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла не только очень подобно изображают настроения настоящего и картины будущего, но

и объясняют исторический парадокс, из-за чего исследователь смело объединяет их в трилогию, которую называет «антиутопией середины двадцатого века» [2, с. 45]. Сходство антиутопических миров автор видит в бунте человеческого сознания против механизированности и рациональности, изображении одинакового типа общества, жестоком кастовом распределении, деперсонализации, порабощении и искоренении личности, существовании строгой диктатуры.

Позиция Д. А. Половцева никоим образом не может быть оспорена, ведь сходство в структурной и языковостилистической организации можно заметить невооруженным глазом. Фантастические миры будущего представлены у Е. Замятина и Дж. Оруэлла единым государством и Океанией, у О. Хаксли — вымышленным обществом на 632-м году эры Форда. Каждый из этих альтернативных миров возглавляется божественным, неприкасаемым существом-благодетелем, Старшим Братом и Фордом. Существование этих обществ строго регламентируется внутренним распорядком, завуалированным под идею общественного благосостояния и счастья. Кастовость обществ представлена в виде распределения людей в соответствии с их функциональностью, которая приносит пользу власти: у Дж. Оруэлла это представители разных министерств, у Е. Замятина — нумера, самое яркое же кастовое разграничение представлено у О. Хаксли — с самого «рождения» в инкубатории эмбрионы распределяются на альфы, беты, гаммы, эпсилоны, которые программируются на осуществление определенного вида общественной деятельности. В целом антиутопические общества упомянутых писателей предстают в романах достаточно высокоразвитыми с позиций науки и техники, однако наука имеет специфический характер, продвигая ту сферу научных знаний, которая имеет прикладной

характер, и притормаживая развитие гуманитарных наук [14]. Парадоксальным является то, что такие тоталитарные общества медленно уничтожают, деградируют, стирают личность, однако они, до определенного сюжетно-идейного коллапса, являются обожаемыми народом, который свято верит в благие намерения власти. Чаще всего тоталитарность власти, в частности в СССР, идеей которой было пронизано творчество большей части западных писателей, играла против них же. Среди таких писателей исследовательница Н. Н. Рудницкая вспоминает Дж. Оруэлла и А. Кестлера, на публикацию переводов которых был наложен запрет [13]. Органы цензуры Советского Союза допускали к печати лишь те произведения, которые не могли «повредить» читателю, точнее говоря, раскрыть ему глаза на жестокую реальность [7]. Например, в романе «1984» Дж. Оруэлла наблюдаем принцип, который ярко отражает советские реалии расправы власти — стирание истории и лиц, которые становились угрозой для режима. Значительная роль в антиутопическом мировоззрении уделяется художественному прогнозированию, которое осуществляется с помощью фантастического: оно помогает раскрыть несовершенство существующего порядка и негативные последствия общественных процессов. С помощью фантастики осуществляется попытка предсказать протекание определенных общественных процессов в будущем и предотвратить их негативные последствия. То есть, фантастика выполняет в антиутопии обличительную и прогностическую функции, становясь все более социально и исторически мотивированной [10]. Отсюда считаем необходимым рассмотреть особенности фантастического жанра, выяснить, какую связь он имеет с антиутопией, и раскрыть особенности воспроизводства фантастических средств описания мира будущего в переводе.

Литература:

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М.: Р. Валент, 2012. — 406 с.
2. Казакова, Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова. — СПб.: Издательство Союз, 2001. — 320 с.
3. Латышев, Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. — М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. — 280 с.
4. Benjamin, W. The Task of the Translator. An introduction to the translation of Baudelaire's *Tableaux Parisiens* // *The Translation Studies Reader*; [Ed. by L. Venuti]. L., N.Y.: Routledge, 2000. P. 148–159.
5. Canas, A. J. A Summary of Literature Pertaining to the Use of Concept Mapping Techniques and Technologies for Education and Performance Support. — Access: <http://cmapspub3.ihmc.us/rid=1L403MT99-1T4VWYR-4634/IHMC%20Literature%20Review%20on%20Concept%20Mapping.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
6. Clark, K. The Role of Translation in the Formation of National Culture // *Kultur und/als Uebersetzung. Russisch-deutsche Beziehungen im*
7. Davies, W. M. Concept Mapping, Mind Mapping and Argument Mapping: What Are The Differences And Do They Matter? // *Higher Education* 62. 2011. no. 3 (September 2011). P. 279–301.
8. Fromm, E. Afterword to G. Orwell's «1984». N. Y., 2002. P. 257–315.
9. Gordin, M. *Utopia/Dystopia: Conditions of Historical Possibility*. Princeton University Press, 2010. Access: <http://14.139.206.50:8080/jspui/bitstream/1/2275/1/Gordin> (дата обращения: 01.06.2022).
10. Kumar, K. *Utopia's Shadow // Dystopia(n) Matters: on the Page, on Screen, on Stage* (ed. by Fatima Vieira). Cambridge Scholars Publishing, 2013. Access: <http://www.cambridgescholars.com/download/sample/58598> (дата обращения: 01.06.2022).

11. Lefevere, A. Mother Courage's Cucumbers. Text, System and Refraction in s Theory of Literature // The Translation Studies Reader / [ed. by L. Venuti]. L., N.Y.: Routledge, 2000. P. 233–249.
12. Milner, A. Changing the climate: The politics of dystopia // Continuum: Journal of Media & Cultural Studies. Volume 23, 2009. Issue 6: Futures. P. 827–
13. Rothstein, E. Visions of Utopia. New York, 2004. 236 p.
14. Venuti, L. Strategies of translation // Encyclopedia of translation studies. L., N.Y.: Routledge, 2001. P. 240–244.